

нравы. И действительно, нельзя, чтоб не был он почтен и любим, чтоб к вельможам его не было уважения и повиновения, чтоб несчастные не имели вспоможения и облегчения, когда сыновнее почтение, братская любовь и благотворение отличает высокий дом его паче порфиры, оный украшающей» (стр. 42). Вместе с этим, читаем в «Та-Гио»: «Государь тщетно то запрещает, что сам себе позволяет; никто ему не повинуется. Надлежит, чтоб в нем те пороки отнюдь не обитали, кои он истребляет, и чтоб те добродетели, коих он взыскует, в нем были неисходны; тогда да ожидает и да уповает он всего от своих подданных» (стр. 44).

Указывая, какое значение имеет моральный облик правителя, составитель «Великой китайской премудрости» создает образ идеального государя. Последний не только строг со своими подданными, но «ставит он себя непрестанно на место своих подданных» (стр. 46). Он печется о несчастных и о нуждах сирот. «В сем разуме, — вешает Конфуций, — благотворение государя сияет столько же в являемых им строгостях, сколько в нежных свидетельствах его благодати» (стр. 52). Верность, правота и честность — опора его престола. Идеальный правитель, внимательный к нуждам подданных, не обременяет их непосильными налогами. Он неизменно стоит на страже правосудия: оно «есть обширнейшее и неисчерпаемое сокровище государств. Сие неоцененное сокровище должен государь усугубляти непрестанно: он им одним богат будет» (стр. 55). В обязанность монарха входят также и заботы о просвещении. Лишь выполнение всех изложенных обязанностей — отмечено в «Та-Гио» — дает государю право на любовь народа и тем самым оправдывает его власть «Любовь подданных дает скипетры и короны. Их ненависть исторгает оныя и преломляет» (стр. 48). Престол может заколебаться, «когда корыстолюбие государя развратит честность подданных, тогда нечестие их рассеивает сокровища, собранные его неправосудием» (стр. 49). Опасным является положение и в том случае, когда монарх «станет презирать мужа, всеми почитаемого», но сделает «любимцем своим человека, всеми ненавистного» (стр. 53).

Многочратно повторяются напоминания: «Цари! страшитесь уподобиться сему ненавистному вельможе, престол ваш падет под бременем гордыни, и развалины его гробом вашим будут» (стр. 47); «... есть ли б избрание мое, возопил Мукинг, пало на человека надменного, который бы боялся, удалял от меня, скрывал и или утеснял всех тех, коих способность, звание, ревность, служба и честность возмущали б его гордыню и раздражали б его зависть, тогда с какою б высотой ума он ни был, тогда что будет с потомками и народом и моими? всё государство мое не подвергнется ли конечному бедствию? Таковые министры рождены на разрушение и погибель государств. Мудрый токмо государь умеет отвергать их услуги, изгонять их от лица своего, очищать государство свое от их присутствия...» (стр. 51 сл.).

Книга «Та-Гио» во французском переводе могла попасть в руки Фонвизина во время его пребывания во Франции в 1777 и 1778 годах.¹¹

Интерес к Китаю наметился и в русской литературе давно. Сумароков помещает в «Трудолюбивой пчеле» «Монолог из Китайской трагедии Сирота». Русские журналы второй половины XVIII века, как указывает М. П. Алексеев, были полны известий «о торговле европейцев в Китае», характеристиками китайского купечества, описанием фарфоровых фабрик и шелковых заводов... С. П. Колосов выпускает перевод книги Роб. Додсли

¹¹ Французский перевод «Та-Гио» появился в 1776 году; следовательно, предложение П. А. Ефремова (Д. И. Фонвизин, Сочинения, стр. 672) датировать фонвизинский перевод 1770 годом ошибочно.